

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Научная статья
УДК 339.9:330.322
<https://elibrary.ru/CRTAMF>

Инвестиционные взаимодействия стран Северо-Восточной Азии: влияние процессов фрагментации в мировой экономике

Денис Владимирович Суслов

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
suslov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5866-4369>

Аннотация. В статье показаны общемировые и региональные (для стран Северо-Восточной Азии) современные тенденции движения прямых иностранных инвестиций в 2015–2024 гг. Наблюдаемые процессы фрагментации в мировой экономике кардинально меняют ландшафт прямых иностранных инвестиций в Северо-Восточной Азии. Регион Северо-Восточной Азии перестал быть монолитным «производственным цехом» глобальной экономики. В настоящее время Северо-Восточная Азия представляет собой сложную мозаику взаимосвязанных, но все более сегментированных потоков капитала в форме прямых иностранных инвестиций, где решения об инвестициях принимаются под влиянием не только чисто рыночных оценок, но и с учетом геополитических рисков и соображений национальной безопасности и стремления к устойчивости (или минимизации неопределенности). Экономика Китая адаптируется к этим процессам, Япония и Республика Корея диверсифицируют потоки прямых иностранных инвестиций, а регион Юго-Восточной Азии в целом выигрывает от этого перераспределения инвестиций.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, Северо-Восточная Азия, фрагментация, геополитические риски

Для цитирования: Суслов, Д. В. Инвестиционные взаимодействия стран Северо-Восточной Азии: влияние процессов фрагментации в мировой экономике // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 4 (113). С. 8–25. EDN: CRTAMF

Original article

Investment Interactions in Northeast Asia: the Impact of Fragmentation Processes in the Global Economy

Denis V. Suslov

The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia
suslov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5866-4369>

Abstract. *The paper examines current global and regional (for Northeast Asian countries) trends in foreign direct investment (FDI) in 2015–2024. The identified fragmentation processes in world economy are fundamentally changing the FDI landscape in Northeast Asia. The region is no longer a monolithic «world factory» of a global economy. Today the region represents a complex mosaic of interconnected but fragmented capital flows in the form of FDI, where investment decisions are based on market assessments, taking into account geopolitical risks, national security considerations, and sustainability desire (or uncertainty minimization). China's economy is adapting to these processes, Japan and the Republic of Korea are diversifying FDI flows. The Southeast Asian region as a whole is benefiting from this investment redistribution.*

Keywords: *foreign direct investments, Northeast Asia, fragmentation, geopolitical risks*

For citation: Suslov, D. V. (2025) Investment Interactions in Northeast Asia: the Impact of Fragmentation Processes in the Global Economy. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (113), pp. 8–25. EDN: CRTAMF

Введение

На протяжении последних пяти лет мировая экономика переживает интенсивную трансформацию (или в более широком смысле деглобализацию): торговые и инвестиционные потоки меняют свои направления (или исчезают вовсе) [Gopinath, Gourinchas, Presbitero, Topalova, 2024; Gopinath, Gourinchas, Presbitero, Topalova, 2025]. Многие страны ведут политику френдшоринга/ниашоринга (от англ. friendshoring, nearshoring) – переформатирования экономических связей с целью обеспечения себя рынками сбыта и источниками сырья и промежуточных товаров в политически дружественных или сохраняющих нейтралитет странах и регионах для повышения безопасности поставок, или как США – прямо протекционистскую в рамках политики «взаимных тарифов» [Norrington, 2024a; Винокуров, Кузнецов, Соболевская и др., 2024; Kallen, 2025].

В основе этой деглобализации (фраг-

ментации) лежит ряд причин:

рост геополитической напряженности: торговые войны, санкции и политическая нестабильность заставляют компании пересмотреть свою зависимость от поставщиков из одного источника;

нарушение цепочек поставок: пандемия, стихийные бедствия и другие непредвиденные события выявили уязвимость в логистических связях, побуждая компании искать пути повышения безопасности за счет диверсификации и регионализации;

повышение ответственности потребления: снижение негативного воздействия на окружающую среду и выбор поставщиков, придерживающихся правил экономного использования природных ресурсов;

повышение эффективности производства: автоматизация и цифровизация могут создать условия для сохранения конкурентоспособности производств даже в странах с высокой заработной платой.

Влияние этих факторов различается по значимости, но в целом они все важны. В настоящий момент ключевым является рост геополитической напряженности, который оказывает наиболее сильное влияние на процессы фрагментации [Geoeconomic ..., 2023].

Фрагментация касается и инвестиционных процессов, влияя на страновое распределение потоков прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ). Между странами с несовпадающими интересами в сфере внешней политики они сократились с 23% от общего объема международных ПИИ в 2013 г. до 13% в 2022 г. Эта тенденция особенно затронула производственный сектор, усилившись в 2022 г., на фоне начавшейся в 2019 г. эскалации торговой напряженности, что подчеркивает ее геополитический характер. В результате доля инвестиций между странами с близкими внешнеполитическими повестками растет быстрее, чем инвестиции между географически близкими странами.

Изменение подходов к выбору страны инвестирования сказалось и на объемах инвестиций. Рост прямых инвестиций перестал соответствовать динамике мирового ВВП и международной торговли: при росте мировой экономики на 3,2% объем прямых инвестиций сократился на 7% в 2023 г.¹

Наиболее значительное влияние фрагментации мировой экономики на приток ПИИ наблюдается в Китае. Приток прямых инвестиций в Китай резко сократился – страна последовательно смещает фокус на внутренние источники финансирования капитальных вложений. Влияние процессов фрагментации на приток ПИИ в другие крупные развивающиеся экономики пока не зафиксировано. По мнению экспертов [Norrington, 2024b], фрагментация мировой экономики продолжается, и рассматриваемые нами

процессы будут и дальше развиваться. В целом перестройка глобальных цепочек создания добавленной стоимости приводит к потерям положительных эффектов от международного разделения труда, формируя проинфляционные риски и увеличивая транзакционные издержки [Clancy, Smith, Valenta, 2024]. С другой стороны, фрагментация до определенной степени может быть фактором повышения финансовой стабильности [Claessens, 2019] и стать триггером для поиска новых источников роста. Однако расширение обозначенных процессов будет заметно понижать темпы общемирового развития и повышать риски для достижения его ориентиров.

Прямые иностранные инвестиции в странах Северо-Восточной Азии

В настоящее время интернациональное движение капитала, которое часто именуется движением иностранных инвестиций, стало важным элементом мировой экономической системы. Применяемая в современной международной практике классификация иностранных инвестиций² различает три их вида: прямые, портфельные и прочие. Среди них особое значение имеют прямые иностранные инвестиции как ориентированные непосредственно на реальный (нефинансовый) сектор экономики. Особенно это характерно для важного для мировой экономики субрегиона Северо-Восточной Азии (далее – СВА).

Движение ПИИ играет важную роль в экономическом развитии как развитых стран, так и развивающихся экономик СВА, несмотря на межстрановые различия в этом процессе, выражающиеся, прежде всего, в доле годовых объемов ПИИ (по последним доступным данным) в валовых капиталовложениях стран-реципиентов (табл. 1).

Так, если для стран СВА в целом в период 2014–2023 гг. доля ввоза прямых

¹ World Investment Report 2024. *Investment facilitation and digital government*. URL: unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf (дата обращения: 30.09.2025); World Investment Report 2025: *International Investment in the digital economy*. URL: unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 30.09.2025)

² Подробнее см. *Руководство по платежному балансу и международной инвестиционной позиции*. Вашингтон, округ Колумбия: Международный Валютный Фонд. 2012. URL: www.imf.org/external/russian/pubs/ft/bop/2007/bopmanbr.pdf (дата обращения: 01.08.2024)

Таблица 1

**Доля годовых объемов ввоза/вывоза ПИИ в валовых
капиталовложениях стран СВА, %**

Страна		2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНР	ВВОЗ	2,8	2,91	2,86	2,65	2,32	2,31	2,39	2,42	2,51	2,17
	ВЫВОЗ	2,68	3,13	4,2	3,07	2,4	2,24	2,46	2,39	2,16	1,96
Япония	ВВОЗ	0,98	0,27	1,56	0,76	0,78	1,05	0,91	2,68	3,09	1,93
	ВЫВОЗ	10,65	12,28	12,59	13,35	11,38	17,79	7,74	16,31	14,63	16,6
Монголия	ВВОЗ	9,53	4,44	-199,16	58,24	61,44	61,46	54,77	52,98	48,99	43,97
	ВЫВОЗ	3,02	0,54	0,69	1,89	1,05	3,19	0,83	2,76	1,48	1,49
Республика Корея	ВВОЗ	2,16	0,97	2,72	3,5	2,33	1,94	1,7	3,83	4,65	2,82
	ВЫВОЗ	6,51	5,57	6,7	6,66	7,3	7,09	6,77	11,47	12,22	6,41
Россия	ВВОЗ	6,61	4,22	13,31	7,5	3,86	9,06	3,23	10,69	-3,28	1,8
	ВЫВОЗ	14,56	9,64	9,65	9,87	10,46	6,22	2,11	17,73	2,48	6,27
Страны СВА	ВВОЗ	7,1	10,92	10,65	8,13	6,23	7,57	4,48	6,37	5,14	5,05
	ВЫВОЗ	6,95	9,13	8,09	7,9	4,56	6,37	3,5	7,41	6	5,93
<i>Справочно</i>											
МИР	ВВОЗ	2,8	2,91	2,86	2,65	2,32	2,31	2,39	2,42	2,51	2,17
	ВЫВОЗ	2,68	3,13	4,2	3,07	2,4	2,24	2,46	2,39	2,16	1,96
США	ВВОЗ	5,61	12,38	11,81	7,51	4,62	5,00	2,03	7,74	6,07	5,68
	ВЫВОЗ	9,26	7,00	7,32	7,96	-3,58	0,76	4,88	5,54	6,69	7,38
ЕС	ВВОЗ	9,35	22,91	12,75	8,91	8,99	17,92	4,53	6,97	-2,24	1,55
	ВЫВОЗ	14,58	28,47	17,31	10,59	10,01	18,42	3,01	16,20	4,49	4,83

Источник: составлено по Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. URL: unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock (дата обращения: 10.10.2024).

инвестиций в валовых капиталовложениях варьировалась от 5,05% до 10,65%, то доля вывоза – от 3,5% до 8,09%. Для остальных регионов мира данный показатель был значительно ниже. Для некоторых стран СВА, таких как Монголия, в рассматриваемый период ежегодный ввоз ПИИ в валовых инвестициях играет существенную роль, кроме 2016 г., когда был зафиксирован чистый отток ПИИ из ее экономики. Если проанализировать данные по доле накопленных объемов ввоза/вывоза ПИИ в ежегодных валовых инвестициях стран СВА, то снова можно выделить Монголию с показателями соответственно в 2023 г. по ввозу – 600%, по вывозу – 20%; Японию по вывозу – 192%, Республику Корея по вывозу – 126% (табл. 2).

В последние 40 лет в мировой экономической системе сформировались три крупных региональных центра в потоках прямых инвестиций: а) Европейский союз (ЕС); б) США; в) Восточная Азия в

целом, включая субрегион СВА, которые в совокупности охватывали более 50% мировых инвестиционных потоков, при этом в 2021–2023 гг. роль ЕС понизилась (см. табл. 3). Кроме этого, формирование таких центров хорошо видно по статистике накопленных объемов ввоза ПИИ (см. табл. 4).

Так, страны СВА к концу рассматриваемого периода 2020–2024 гг. имели долю в 9–10% общих накопленных объемов ПИИ в мире. Эти рынки ПИИ остаются в настоящее время центрами региональной инвестиционной интеграции, связанными с центрами мировой экономики. При этом ПИИ из развитых стран поступали ранее в основном в развитые страны, прежде всего в рамках так называемой мировой «триады» (Япония, ЕС, США); в 2010–2020 гг. выросла роль крупных развивающихся стран, таких как Китай. После 2020 г. страны СВА в целом постепенно сокращали свою долю в мировых ежегодных объемах ввоза ПИИ, а для Китая

Таблица 2

**Доля накопленных объемов ввоза/вывоза ПИИ в валовых
капиталовложениях стран СВА, %**

Страна		2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНР	ВВОЗ	23,6	26,2	29	28,91	27,35	28,94	30,75	48,6	46,37	48,54
	ВЫВОЗ	19,21	23,58	29,08	35,1	33,3	35,96	41,36	37,26	36,54	38,98
Япония	ВВОЗ	13,97	15,69	15,87	16,42	16,06	17,12	19,41	18,82	20,33	22,27
	ВЫВОЗ	93,78	110,7	106,16	121,45	123,16	136,15	146,3	151,09	175,81	192,41
Монголия	ВВОЗ	570,99	974,18	779,96	702,3	571,64	567,39	771,17	640,68	557,93	600,48
	ВЫВОЗ	12,05	20,69	21,81	19,29	15,07	16,73	22,2	20,1	17,75	20,02
Республика Корея	ВВОЗ	41,75	42,22	42,37	44,83	45,28	48,64	50,67	48,67	50,57	52,77
	ВЫВОЗ	60,61	67,24	69,58	70,46	77,35	91,79	100,14	105,14	120,26	126,66
Россия	ВВОЗ	65,76	93,49	141	127,48	119,22	139,35	139,5	137,69	77,57	60,08
	ВЫВОЗ	75,5	103,22	122,72	112,33	101,25	115,09	118,4	103,64	64,45	55,64
КНДР	ВВОЗ	4,19	4,95	5,34	5,08	5,06	5,6	5,81	5,61	6,26	6,34
	ВЫВОЗ	к. д.									
Страны СВА	ВВОЗ	130,86	139,31	146,85	159,69	146,21	159,11	188,27	185,07	169,04	187,18
	ВЫВОЗ	132,61	140,16	146,01	161,17	141,6	155	184,1	171,19	155,14	169,81
<i>Справочно</i>											
ЕС	ВВОЗ	228,89	265,62	254,56	280,00	246,91	256,27	364,85	318,58	308,73	329,40
	ВЫВОЗ	277,65	316,82	309,63	332,61	292,84	306,48	415,34	376,1	357,88	383,52
США	ВВОЗ	151,77	151,71	167,22	189,64	167,01	194,8	220,35	256,23	189,63	234,06
	ВЫВОЗ	175,78	160,39	164,46	191,07	144,82	164,22	178,37	192,15	145,78	172,28
В мире в целом	ВВОЗ	23,6	26,2	29	28,91	27,35	28,94	30,75	48,6	46,37	48,54
	ВЫВОЗ	19,21	23,58	29,08	35,1	33,3	35,96	41,36	37,26	36,54	38,98

Примечание: к. д. – конфиденциальные данные

Источник: составлено по Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. URL: unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock (дата обращения: 10.10.2024).

Таблица 3

Годовые объемы ввоза ПИИ в страны СВА и их доля в мире

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
КНР	135577	133711	136315	138306	141225	149342	180957	189132	163253	116238
	6,6	6,6	8,3	10,1	8,2	15,2	11,2	14,0	11,2	7,7
КНДР	78	89	-13	2	30	6	18	10	13	19
	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Япония	2976	19359	9356	9963	13755	11768	34294	34194	20841	13357
	0,1	1,0	0,6	0,7	0,8	1,2	2,1	2,5	1,4	0,9
Монголия	94	-4156	1494	2174	2443	1719	2173	2504	2248	2782
	0,0	-0,2	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1	0,2
Республика Корея	4104	12104	17913	12183	9634	8765	22060	25045	19042	15226
	0,2	0,6	1,1	0,9	0,6	0,9	1,4	1,8	1,3	1,0
Россия	11858	37176	25954	13228	32076	10410	38639	-15205	8998	3346
	0,6	1,8	1,6	1,0	1,9	1,1	2,4	-1,1	0,6	0,2
Страны СВА	156702	200299	193036	177874	201182	184030	280162	237702	214395	150968
	7,5	9,8	11,6	12,8	11,5	18,5	17,2	17,4	14,6	10,0
<i>Справочно</i>										
США	467625	459419	308957	203234	229930	93373	386097	316895	233106	278848
	21,1	22,5	17,5	15,7	13,9	10,8	23,0	22,8	16,0	18,5
ЕС	803805	393206	397008	229206	569789	36259	310004	-49827	147526	267772
	36,2	19,2	22,4	17,7	34,3	4,1	18,5	-3,6	10,4	17,7
В мире в целом	2218640	2043570	1770258	1294205	1658784	868563	16765233	1389526	1454976	1508803
	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание: в ячейке в числителе показан объем в млн долл., в знаменателе – доля в мире в %.

Источник: составлено по Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. URL: unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock (дата обращения: 25.09.2025).

эта доля варьировалась от 11,2% в 2021 г. до 14% в 2022 г. (см. табл. 3).

В рассматриваемый период в целом наблюдался положительный тренд ввоза прямых инвестиций как в целом по Восточной Азии, так и в странах СВА. Так, объемы ввоза со 181 млрд долл. в 2014 г. в СВА выросли примерно на треть – до 212 млрд долл. в 2023 г., с пиком в 281 млрд долл. в 2021 г. (табл. 3). При этом в 2017 г., 2022 г. и 2023 г. происходило некоторое снижение (а в 2024 г. практически обвал) общего ввоза прямых инвестиций в страны СВА. Прежде всего, это было связано со спадом притока инвестиций в Республику Корея, Японию и Китай в указанные годы. В результате интенсивной динамики ежегодного ввоза ПИИ к концу 2024 г. на Китай приходилось 7,1% мирового объема накопленных объемов ввоза ПИИ, на страны СВА в целом – 8,6% (см. табл. 4).

В 2014–2023 гг. наблюдался и положительный тренд [Zhan, 2021; Altman, Bastian, Fattedad, 2024] вывоза прямых инвестиций как в целом из стран СВА, так

и из Китая в 2014–2017 г., при том, что после пика 2021 г. (почти 518 млрд долл.) потоки вывоза китайских ПИИ снижались. Так, в 2020 г. доля СВА в потоках вывоза ПИИ в мире составила почти 38%, а Китая – 19,7%, снизившись в 2024 г. до 26,5% и 10,1% соответственно (табл. 5).

Если мы рассмотрим накопленные объемы вывоза ПИИ из стран СВА, то можно увидеть, что к концу 2024 г. их доля в общемировых объемах составила 14,3% (табл. 6), также, как и в период 2018–2022 гг., практически не изменившись, что говорит об устойчивом характере сформировавшегося общемирового субрегиона СВА как стабильного источника вывоза ПИИ в развитые страны и страны глобального юга.

По данным таблицы 7 можно проследить изменение роли и масштабов объема ввоза и вывоза ПИИ в целом для экономик стран СВА (в % от ВВП стран). Если рассмотреть инвестиционные взаимодействия между странами СВА, то можно увидеть их динамичное развитие на протяжении последних 30 лет, осо-

Таблица 4

Накопленные объемы ввоза ПИИ в странах СВА и их доля в мире

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
КНР	1219930	1353641	1489956	1628261	1769486	1918828	3633317	3496380	3534030	3650268
	4,6	4,8	4,5	5,0	4,9	4,6	7,7	7,9	7,3	7,1
КНДР	807	896	883	885	915	921	939	949	963	981
	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Япония	174146	196614	202441	204524	223810	250070	241125	227079	223499	219802
	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,4
Монголия	20696	16277	18020	20223	22556	24207	26282	28521	30697	33482
	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Республика Корея	179544	188877	229399	237238	241657	260801	280085	277035	308086	286988
	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6
Россия	262748	393910	441123	408097	493156	449051	497690	359982	279303	216039
	1,0	1,4	1,3	1,3	1,4	1,1	1,1	0,8	0,6	0,4
Страны СВА	1859886	2152231	2383839	2501246	2753599	2905898	4681459	4389946	4376578	4407560
	7,0	7,7	7,3	7,7	7,6	6,9	9,9	9,9	9,1	8,6
<i>Справочно</i>										
США	5731383	6502750	7806330	7346877	8951143	10141194	13085709	10461198	12786674	15567058
	21,2	22,6	23,3	22,1	24,2	24,6	28,1	23,9	26,6	30,6
ЕС	8323805	8252214	9716849	9462447	10218172	12331806	11776547	11273732	11856690	11460635
	30,8	28,7	29,0	28,5	27,6	29,9	25,3	25,8	24,7	22,5
В мире в целом	27065666	28755346	33546603	33178197	36994642	41278103	46509216	43733573	48097605	50907355
	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание: в ячейке в числителе показан объем в млн долл., в знаменателе – доля в мире в %.

Источник: составлено по Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. URL: unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock (дата обращения: 25.09.2025).

Таблица 5

Годовые объемы вывоза ПИИ из стран СВА и их доля в мире

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
КНР	145667	196149	158288	143037	136908	153710	178819	163120	177289	162780
	8,4	12,8	9,9	14,2	9,5	19,7	9,5	10,4	11,4	10,1
Япония	136249	155937	164588	144982	232627	99708	208985	162126	196742	204380
	7,9	10,2	10,3	14,3	16,1	12,8	11,1	10,3	12,6	12,7
Монголия	11	14	49	37	127	26	113	76	76	55
	0,0	0,0	0,0	0,0	0,01	0,0	0,01	0,0	0,0	0,0
Республика Корея	23687	29890	34069	38220	35239	34832	66001	65799	32172	48589
	1,4	2,0	2,1	3,8	2,4	4,5	3,5	4,2	2,1	3,0
Россия	27090	26951	34153	35820	22024	6778	64072	11510	29748	11691
	1,6	1,8	2,1	3,5	1,5	0,9	3,4	0,7	1,9	0,7
Страны СВА	332704	408941	391147	362096	426925	295054	517990	402631	436027	427495
	19,2%	26,8	24,5	35,8	29,6	37,9	27,5	25,6	28,0	26,5
Справочно										
США	264359	284469	327781	-157407	35056	224465	278526	366386	360414	266367
	15,2	18,6	20,5	-15,576	2,4	28,8	14,8	23,3	23,2	16,6
ЕС	784513	493468	326391	340138	644799	102670	619677	169790	136587	446061
	45,2	32,3	20,4	33,7	44,6	13,2	32,9	10,8	8,8	27,7
В мире в целом	1735329	1528632	1598301	1010574	1444734	779439	1881804	1574540	1556106	1608874
	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание: в ячейке в числителе показан объем в млн долл., в знаменателе – доля в мире в %.

Источник: составлено по Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. URL: unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock (дата обращения: 25.09.2025).

Таблица 6

Накопленные объемы вывоза ПИИ в странах СВА и их доля в мире

Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
КНР	1097865	1357390	1809037	1982266	2198881	2580658	2785150	2754810	2955400	3118180
	4,2	4,9	5,5	6,3	6,3	6,3	6,4	6,9	6,9	7,2
Япония	1228766	1315221	1497525	1568766	1780246	1884824	1935653	1961680	2035736	2151099
	4,7	4,7	4,6	5,0	5,1	4,6	4,5	4,9	4,8	4,9
Монголия	440	455	495	533	665	697	825	907	1024	1127
	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Республика Корея	285932	310218	360566	405219	456004	515403	605076	689158	737345	762647
	1,1	1,1	1,1	1,3	1,3	1,3	1,4	1,7	1,7	1,7
Россия	290092	342849	388693	346593	407318	381144	374612	299131	259850	230024
	1,1	1,2	1,2	1,1	1,2	0,9	0,9	0,7	0,6	0,5
Страны СВА	2903095	3326133	4056316	4303377	4843114	5362726	5701316	5705686	5989355	6263077
	11,0	12,0	12,3	13,8	13,8	13,2	13,1	14,2	14,0	14,3
Справочно										
США	6059272	6395424	7865018	6370722	7546253	8209444	9603626	7828326	9192729	9757678
	23,9	22,5	22,6	23,5	19,9	21,0	20,5	22,7	19,8	21,6
ЕС	9553498	9595426	11175951	10968686	11968615	14059379	13843185	13179637	13673967	13357433
	35,4	33,9	33,4	34,3	33,4	35,1	32,8	33,4	32,1	30,6
В мире в целом	26950302	28281315	33467157	31975557	35870300	40048460	42226844	39492629	42596581	43594995
	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание: в ячейке в числителе показан объем в млн долл., в знаменателе – доля в мире в %.

Источник: составлено по Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. URL: unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock (дата обращения: 25.09.2025).

Таблица 7

**Накопленные объемы ввоза/вывоза прямых инвестиций в странах СВА,
% от ВВП**

Страна		2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНР	ВВОЗ	10,35	11,03	12,05	12,1	11,72	12,39	13,06	20,39	19,46	20,6
	ВЫВОЗ	8,43	9,93	12,08	14,7	14,27	15,4	17,57	15,63	15,34	16,54
КНДР	ВВОЗ	4,19	4,95	5,34	5,08	5,06	5,6	5,81	5,61	6,26	6,34
	ВЫВОЗ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Япония	ВВОЗ	3,51	3,92	3,93	4,11	4,06	4,37	4,95	4,82	5,33	5,89
	ВЫВОЗ	23,52	27,64	26,29	30,37	31,12	34,78	37,33	38,67	46,04	50,92
Монголия	ВВОЗ	165,6	178,11	145,58	156,96	153,46	158,77	181,83	171,93	166,34	152,35
	ВЫВОЗ	3,49	3,78	4,07	4,31	4,05	4,68	5,23	5,39	5,29	5,08
Республика Корея	ВВОЗ	12,09	12,25	12,59	14,13	13,75	14,64	15,86	15,4	16,27	16,58
	ВЫВОЗ	17,55	19,51	20,68	22,2	23,49	27,62	31,34	33,27	38,69	39,8
Россия	ВВОЗ	14,08	19,27	30,85	28,02	24,62	29,13	30,08	27,09	16,07	14,05
	ВЫВОЗ	16,17	21,28	26,85	24,69	20,91	24,06	25,53	20,39	13,35	13,02
<i>Справочно</i>											
США	ВВОЗ	30,99	31,33	34,58	39,8	35,57	41,59	47,56	54,64	40,34	46,87
	ВЫВОЗ	35,89	33,12	34,01	40,1	30,84	35,06	38,5	40,97	31,01	34,49
ЕС	ВВОЗ	45,52	54,02	52,27	58,43	52,5	57,15	81,04	70,37	69,78	67,73
	ВЫВОЗ	55,22	64,43	63,58	69,41	62,27	68,35	92,26	83,08	80,89	78,86
В мире в целом	ВВОЗ	32,62	35,07	36,72	40,31	37,58	41,33	49,16	48,6	44,27	47,08
	ВЫВОЗ	33,04	35,3	36,57	40,74	36,44	40,3	48,12	45,01	40,63	42,73

Источник: составлено по Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. URL: unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock (дата обращения: 10.10.2024).

бенно это было характерно для так называемой Большой тройки СВА (Япония – Республика Корея – Китай). В рассматриваемый период инвестиционные взаимодействия в форме ПИИ между странами региона продолжали развиваться. Это можно проследить по данным накопленных иностранных инвестиций между странами региона в 2014–2023 гг. (или инвестиционной позиции страны-инвестора (партнера) СВА в каждой стране СВА, выступающей в качестве реципиента ПИИ).

В таблице 8 представлена в динамике инвестиционная позиция³ по ПИИ в странах СВА для каждой из них как в абсолютных показателях в млн долл. США, так и доля каждого партнера (страны-инвестора) в каждой экономике страны-реципиента ПИИ.

Из-за обоснованных сомнений в корректности [Wacker, 2024] мировой статистики ПИИ и заметных различий в стра-

новой статистике каждой страны СВА по ежегодным потокам и накопленным объемам ПИИ, в таблице 8 приведены доступные в настоящее время данные из общемировой базы Координированного обследования прямых инвестиций (CDIS) Международного валютного фонда для Большой тройки СВА (Китай, Республика Корея, Япония), а также для России, Монголии и КНДР. За скобками остаются САР Гонконг и другие китайские юрисдикции, которые играют важную роль как для внешних прямых инвестиций из восточноазиатского региона, так и при инвестировании в материковый Китай и другие страны региона.

Среди стран СВА Япония обладает избыточными финансовыми ресурсами и с конца 2000-х гг. занимала место второго крупнейшего прямого иностранного инвестора в мире после США (за исключением 2014 г. и 2016 г., когда Япония опускалась на 4 место). При этом Япо-

³ Или другими словами накопленный объем ПИИ. Подробнее см. Руководство по платежному балансу и международной инвестиционной позиции. Вашингтон, округ Колумбия: Международный Валютный Фонд. 2012. URL: www.imf.org/external/russian/pubs/ft/bop/2007/bopman6r.pdf (дата обращения: 01.08.2024)

ния не входит в состав 20 крупнейших принимающих ПИИ стран мира. Такая диспропорция объясняется сочетанием экспансии японских транснациональных корпораций на внешние рынки с традиционной защитой внутреннего рынка от иностранной конкуренции, что качественно отличает Японию от других крупных экономик региона, в первую очередь Китая и Сингапура [Кузнецов, 2024]. Отметим, что с 2022 г. годовые потоки прямых инвестиций Японии в Китай снижаются, причём они в 2023 г. стали в 6 раз меньше объёма японских инвестиций в США.

Экономические и торговые связи в регионе между этими странами слабеют [Latorre, Hosoe, 2016; Japan Bank..., 2023].⁴ Тем не менее, к концу 2023 г. объём накопленных японских прямых инвестиций в КНР составил 190 млрд долл. (5,2% от всех привлеченных).

При этом в рассматриваемый период китайские накопленные прямые инвестиции в экономику Японии увеличились почти в 4 раза – с 638 млн долл. в 2014 г. до 2585 млн долл. в 2023 г. (1,16% всех привлеченных), при этом позиции Республики Корея по накопленным ПИИ выросли в 3,3 раза с 2296 млн долл. до 6520 млн долл. (2,92% всех привлеченных).⁵ Следует отметить, что для Японии (как страны-реципиента ПИИ) роль стран СВА не так велика, при этом они являются более важным местом размещения капитала для японских инвесторов.

Республика Корея заимствовала многие элементы экономической модели развития у Японии в части создания и развития экспортно-ориентированных отраслей промышленности [Kyung, 2020; Lee, 2018]. Следуя политике либерализации с начала 2000-х гг., Республика Корея превратилась в одну из наиболее открытых развитых стран с точки зрения создания благоприятного климата (с использованием различных режимов в

рамках СЭЗ и торговых соглашений) для привлечения ПИИ. Иностранцев привлекают ее уровень технологического развития, расширенные возможности исследований и разработок, высокий уровень располагаемого дохода домохозяйств, достаточно емкий внутренний потребительский рынок, а также развитая транспортная (логистическая), портовая и аэродромная инфраструктура, что делает страну центром для выхода инвесторов на рынки третьих стран. Так, в рассматриваемый период в экономике Республики Корея японские инвесторы увеличили свои вложения до накопленного объёма ПИИ порядка 56,5 млрд долл. на конец 2023 г., что составило более одной пятой части от всех привлеченных страной накопленных ПИИ. Также важным источником ПИИ для корейской экономики выступили инвесторы из материкового Китая (9,1 млрд долл. накопленных инвестиций). Таким образом, на страны СВА (с учетом 2 млн долл. из КНДР) в целом приходится треть привлеченных прямых инвестиций в Республику Корея. Одновременно Республика Корея превращается в крупного экспортера капитала. За пределами восточноазиатского региона основными реципиентами корейских ПИИ выступают США. Однако Республика Корея также проявляет повышенный инвестиционный интерес к странам Латинской Америки и постсоветскому пространству.

Можно отметить, что в рассматриваемый нами период в 2016 г. по накопленному объёму ПИИ в целом в мире Китай уступал только США. Южнокорейские инвесторы активно взаимодействовали с китайской стороной и к концу 2023 г. нарастили свои вложения до 84,5 млрд долл., что составляет 2,31% от общего накопленного объёма ПИИ в Китае. За этот же период времени японские инвесторы увеличили свои вложения в Китай со 134 млрд долл. в 2014 г. до

⁴ Схожая ситуация происходила и с ПИИ Республики Корея, инвестиции из которой в Китай в 2023 г. стали наименьшими за последние 20 лет, и одновременно с этим наблюдалось наращивание корейских вложений в США.

⁵ Справочно: для Гонконга (специального административного района Китая) накопленный объём ПИИ (16280 млн долл.) был самым высоким среди рассматриваемых стран (юрисдикций), при этом в общем объёме доля Японии составляла в 2014 г. 3,84%, а в 2022 г. уже – 7,22%.

Страна-реципиент	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНДР	14,3 0,00	22,7 0,00	22,9 0,00	-1,6 0,00	-1,1 0,00	0,8 0,00	2,5 0,00	1,3 0,00	0,3 0,00	0 0,00
Все страны	2331755 100	2579564 100	2534532 100	2688470 100	2814067 100	2938482 100	3214115 100	3577743 100	3569146 100	3649817 100
<i>Россия</i>										
Китай	2 759 0,95	1 341 0,51	2 902 0,74	3 584 0,81	2 660 0,65	3 736 0,76	2 188 0,49	3 323 0,67	н. д. н. д.	н. д. н. д.
Республика Корея	1 677 0,58	1 339 0,51	2 246 0,57	1 910 0,43	2 681 0,66	3 665 0,74	3 362 0,75	3 699 0,74	н. д. н. д.	н. д. н. д.
Япония	1 274 0,44	1 319 0,50	1 924 0,49	2 156 0,49	1 920 0,47	2 543 0,52	2 403 0,54	3 259 0,65	н. д. н. д.	н. д. н. д.
Монголия	0,7 0,00	0,7 0,00	3,8 0,00	4,0 0,00	3,7 0,00	4,1 0,00	3,8 0,00	3,7 0,00	н. д. н. д.	н. д. н. д.
КНДР	к. д. к. д.	к. д. к. д.	4,1 0,00	4,3 0,00	3,6 0,00	4,0 0,00	3,5 0,00	3,4 0,00	н. д. н. д.	н. д. н. д.
Все страны	290039 100	262748 100	393910 100	441123 100	408097 100	493156 100	449047 100	497690 100	н. д. 100	н. д. 100
<i>Монголия</i>										
Китай	4001 19,76	4394 21,23	4378 26,89	4607 25,57	4917 24,31	5069 22,47	5238 21,64	5185 19,73	5327 18,68	5389 17,39
Республика Корея	435 2,15	442 2,13	440 2,70	442 2,45	453 2,24	464 2,06	461 1,90	424 1,61	450 1,58	502 1,64
Япония	528 2,61	540 2,61	585 3,59	661 3,67	706 3,49	923 4,09	982 4,06	1022 3,89	963 3,38	965 3,14
Россия	435 2,15	439 2,12	38 0,24	68 0,38	117 0,58	143 0,64	136 0,56	163 0,62	130 0,46	156 0,51
КНДР	- 20247	- 20696	- 16277	- 18020	- 20223	- 22556	- 24207	- 26282	- 28521	- 30697
Все страны	100 100									

Примечание: к. д. – конфиденциальные данные, н. д. – нет данных. Инвестиционная позиция приведена по статистике отчитывающейся страны и показана в ячейке в числителе в млн. долл., в знаменателе – в процентах.

Источник: составлено по мировой базе данных Координированного обследования прямых инвестиций Международного валютного фонда. URL: legasydata.imf.org/regular.aspx?key=60564261 (дата обращения: 31.08.2025).

190 млрд долл. в 2023 г., что соответствовало доли в 5,21% накопленного объема ПИИ в стране.⁶ При этом уже в 2010-е гг. САР Гонконг стал как основным транзитным каналом для внешних ПИИ из материкового Китая, так и местом размещения капиталов непосредственно в нем.⁷ На современном этапе роль китайской экономики в мировой системе смещается от сферы производства в сферу прямого инвестирования и крупных строительных проектов, инжиниринговых контрактов⁸. Перенос обрабатывающих производств за рубеж обусловлен относительной утратой конкурентоспособности китайских предприятий в связи с ростом уровня оплаты труда китайских работников и цены на другие ресурсы. Одновременно расширяется структура китайских инвестиций: помимо сырьевой отрасли и сферы услуг, китайские компании все активнее вкладываются в телекоммуникации, обрабатывающую промышленность, недвижимость, связь, здравоохранение, туризм, игровой бизнес, а также финансовые, медиа проекты и образовательные технологии [Amighini, Cozza, Rabellotti, Sanfilippo, 2014]. Кроме того, среди китайских инвесторов возрастает доля предприятий с частной формой собственности. В ходе глобальной экономической экспансии КНР диверсифицирует не только структуру, но и географию инвестиций.⁹ Так, Китай направляет масштабные инвестиции в страны ЕС, США, АСЕАН¹⁰ и страны Африки, где наряду с добычей природных

ресурсов ведет строительство современных заводов и инфраструктуры.

Монголия является ресурсно-ориентированной экономикой и чистым (нетто) реципиентом зарубежных инвестиций со значительным превышением внешних финансовых обязательств над внешними финансовыми активами, т. е. имеет отрицательную инвестиционную позицию. Для финансирования данных обязательств Монголия испытывает острую потребность в привлечении иностранного капитала. Выступая аутсайдером мирового инвестиционного процесса, страна обладает нереализованным потенциалом притока инвестиций в освоение огромных по меркам страны запасов природных ресурсов. Географическая изоляция и сырьевая ориентация экономики Монголии делает ее чрезвычайно зависимой от колебаний мировых цен на сырьевые ресурсы и экономической конъюнктуры Китая – главного внешнеэкономического партнера, на который приходится более 80% экспорта страны. Для монгольской экономики можно констатировать то, что китайский и японский бизнес активно инвестирует в страну и имеет устойчивую долю в общих объемах привлекаемых страной ПИИ в рассматриваемый период. Так, на конец 2023 г. доля Китая составляла порядка 17%, Японии – 3%. Основными же инвесторами, кроме стран СВА, в Монголию являются компании из Канады, Нидерландов, Сингапура, США, Австралии и других стран. Позиции России в ПИИ в Монголию не так значимы:

⁶ Даже после вступления Китая в 2001 г. в ВТО китайское правительство достаточно жестко регулирует проекты с ПИИ. Ограничения на приток иностранного капитала существуют во многих отраслях промышленности и сферы услуг. Например, полностью закрытыми для иностранных инвесторов остаются теле- и радиовещание, средства массовой информации и рыбное хозяйство. Главным же инвестором в китайской экономике уже длительное время выступает САР Гонконг, что обусловлено особенностями экономического развития, спецификой инвестиционных процессов и привлечения иностранного капитала в Китае в период после 1979 г. См. подробно: Островский А. В. Китай становится экономической сверхдержавой / А. В. Островский. М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА», 2020. – 496 с. С.336–363

⁷ Так, накопленный объем ПИИ Китая в САР Гонконг составил почти 616 млрд долл. (31,56% от общего показателя), тогда как японские ПИИ выросли до уровня почти в 31 млрд долл. (1,58%).

⁸ Так, в 2016 г. Китай занял второе место в мире после США по объему экспорта капитала в форме ПИИ.

⁹ При этом активно используются такие юрисдикции как САР Гонконг, Британские Виргинские острова, Каймановы острова и т. д.

¹⁰ ASEAN Investment Report 2023. International investment trends: Key issues and policy options. Jakarta: ASEAN Secretariat, December 2023. URL: asean.org/wp-content/uploads/2023/12/AIR-Special-2023.pdf (дата обращения: 01.08.2024)

объем российских накопленных прямых инвестиций по данным Национальной службы статистики Монголии, по итогам 2023 г. составил около 156 млн долл.¹¹

Для российской экономики ни одна из стран СВА не является достаточно крупным инвестором, накопленные объемы каждой из них не превышают 1% от общих накопленных объемов ПИИ в стране [Суслов, 2024]. Так, крупные инвестиции из стран СВА, прежде всего из Японии, были осуществлены до рассматриваемого нами периода.

Из данных таблиц 3 и 4 можно увидеть мизерную роль КНДР в СВА как места размещения ПИИ, основными инвесторами в которой являются китайские и российские компании, а накопленный объем ПИИ на конец 2023 г. по данным ЮНКТАД составлял 963 млн долл.

Таким образом, взаимные ежегодные потоки и накопленные объемы ПИИ в СВА играют заметную роль, прежде всего, для экономики Республики Корея. Что касается других стран, то объемы китайских инвестиций в экономику Японии и Республики Корея существенно ниже по сравнению с инвестициями Японии и Республики Кореи в Китай. Японские накопленные ПИИ в Республику Корея в 7,3 раза больше, чем южнокорейские инвестиции в Японию, что отражает более активную позицию японских транснациональных компаний (ТНК) в формировании своих цепочек создания стоимости и производственной кооперации в регионе.

Можно проследить то, что инвестиционные потоки в Большой тройке СВА несбалансированы, а это означает, что каждая из стран играет неодинаковую роль для других стран в их инвестиционных

предпочтениях. В целом инвестиционные взаимодействия в СВА в форме ПИИ в период 2014–2023 гг. (также и в пандемийный период 2020–2022 гг.) носили устойчивый характер и поступательно развивались в сравнении с общими негативными тенденциями¹² в мировых потоках ПИИ в условиях их региональной фрагментации¹³ и роста геополитической напряженности [Aiyar, Puina, 2023].

Необходимо отметить, что в период после 2022 г. в КНР наблюдается негативный тренд как привлекаемых страной общих объемов ПИИ, так и прямых китайских инвестиций за рубеж [Liu, 2025]. Прежде всего, это связано с существенным уменьшением как вложений зарубежных ТНК в китайскую экономику, так и изменением направлений и объемов самих китайских ПИИ в мире, прежде всего это касается США [Xie, Yu, Yu & Zhou, 2024].

Вышеописанная картина инвестиционных взаимодействий стран СВА говорит о том, что в инвестиционных потоках и во взаимодействиях в целом между странами в рассмотренный нами период существуют явные дисбалансы, что отражает сложившуюся практику инвестиционного сотрудничества, прежде всего в Большой тройке СВА. По ряду объективных причин (санкционное давление, геополитическая напряженность, неурегулированные разногласия и конфликты в регионе) ряд таких стран СВА как КНДР, в первую очередь, так и в менее острой форме Россия, «выпадают» из общей картины экономического сотрудничества в СВА в форме ПИИ, особенно после 2022 г. [Суслов, 2024].

Тем не менее, можно предполагать,

¹¹ Для сравнения Китай – 5,3 млрд долл., Нидерланды – 13,5 млрд долл., Сингапур – 2,5 млрд долл., США – 1,1 млрд долл.

¹² *World Investment Report 2020: International Production Beyond the Pandemic*. New York and Geneva: United Nations. United Nations publication. UNCTAD, 2020. URL: unctad.org/system/files/official-document/wir2020_en.pdf; *World Investment Report 2021: Investing in Sustainable Recovery*. New York and Geneva: United Nations. United Nations publication. UNCTAD, 2021. URL: unctad.org/system/files/official-document/wir2021_en.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

¹³ *Global economic fracturing and shifting investment patterns*. UNCTAD/DIAE/2024/1. 2024. URL: unctad.org/system/files/official-document/diae2024d1_en.pdf (дата обращения: 15.08.2024); *World Investment Report 2024. Investment facilitation and digital government*. URL: unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf (дата обращения: 30.09.2025); *International Monetary Fund. 2023. World Economic Outlook: A Rocky Recovery*. Washington, DC. April. P.91-106. URL: www.imf.org/-media/Files/Publications/WEO/2023/April/English/text.ashx (дата обращения: 01.07.2024).

что сотрудничество в сфере энергетики, высоких технологий и создания общей и трансграничной инфраструктуры с учетом современных общемировых и региональных тенденций движения ПИИ и влияния геополитической напряженности, может способствовать трансформации межстрановых потоков ПИИ в СВА¹⁴ [Aiyar, Malacrino, Presbitero, 2024; Ключко, 2023; Квашина, 2024].

Одним из основных направлений инвестиционных взаимодействий в регионе становится сотрудничество в сфере энергетики [Meng, Serafettin, 2020; Kong, Ku, 2015; Lin, Reilly, 2024; Воропай, Подковадьников, Санеев, 2014]. Страны региона активно включились в процесс создания электростанций и сетевой инфраструктуры, связанной с возобновляемыми источниками энергии, особенно Китай [Guilhot, 2022], а также в продвижение проектов по строительству новых электростанций по так называемым «старым» технологиям. В перспективе это позволит им снизить зависимость от импорта энергоресурсов и обеспечить устойчивое развитие экономик региона. Другим важным направлением является сотрудничество в области высоких технологий. Страны СВА являются лидерами в таких производственных областях, как электроника, робототехника и искусственный интеллект. Инвестиции в эти отрасли могут способствовать развитию новых технологий и созданию новых рабочих мест в экономиках стран СВА. Также перспективным направлением является сотрудничество в области создания инфраструктуры. Страны региона нуждаются в развитии транспортной сети, строительстве новых дорог и мостов, а также в модернизации существующих объектов инфраструктуры как внутри стран, так и трансграничной. Реализация инвестиционных проектов в этой сфере может способствовать повышению уровня связанности в регионе и стимулировать экономические взаимодействия и обмена между странами региона СВА.

Влияние процессов фрагментации на ПИИ в СВА

Еще раз отметим, что фрагментация мировой экономики (также и понимаемые под ней процессы деглобализации, слобализации (от англ. slowbalisation) – это процессы разрыва или ослабления глобальных экономических связей, когда вместо единой интегрированной мировой экономики формируются отдельные, более замкнутые блоки со своими характеристиками развития и внешних связей [Adarov, Hayley, 2025; Geoeconomic..., 2023].

Можно выделить основные драйверы фрагментации, влияющие на ПИИ в СВА:

1. Геополитическая напряженность: противостояние США и Китая – ключевой фактор для региона; оно привело к торговым войнам, введению санкций (особенно в сфере высоких технологий) и политике «дерискинга» (от англ. derisking);

2. Пандемия COVID-19 обнажила уязвимость длинных глобальных цепочек поставок и заставила компании задуматься об их устойчивости, а не только об эффективности;

3. Стремление к устойчивости и безопасности: правительства и компании теперь ставят во главу угла не только минимизацию издержек, но и обеспечение непрерывности поставок (resilience) и снижение стратегических рисков и неопределенности;

4. Технологическое соперничество: борьба за лидерство в таких областях как полупроводники, искусственный интеллект и аккумуляторы ведет к созданию «технологических железных занавесов» и дублированию цепочек создания стоимости.

Отметим ключевые тренды влияния фрагментации на ПИИ в СВА [Cross-border ..., 2025]. Ее влияние неоднородно и проявляется по-разному для каждой страны региона.

В Китае происходит плавный переход от роли экономики страны как «фабрики мира» к стратегическому принятию вызовов современных тенденций в ми-

¹⁴ *Global economic fracturing and shifting investment patterns. UNCTAD/DIAE/2024/1. 2024. URL: unctad.org/system/files/official-document/diae2024d1_en.pdf (дата обращения: 15.08.2024)*

ровой экономике. Снижение привлекательности страны для ПИИ из некоторых стран: для компаний из стран «западного блока» (США, ЕС, Япония, Республика Корея) Китай уже не является безусловно оптимальным местом для всех видов производств. Риски санкций, принудительной передачи технологий и политического давления заставляют их искать альтернативы. Многие мировые ТНК стали следовать стратегии «Китай плюс одна страна (Китай+1)». Это главная бизнес-стратегия, вызванная фрагментацией¹⁵. Чтобы снизить зависимость от Китая, иностранные инвесторы (а также китайские инвесторы) начинают размещать новые производства не только в Китае, но и еще дополнительно в одной стране. Чаще всего это Вьетнам, т. к. он географически близок, с наличием дешевой рабочей силы и похожей производственной культурой.¹⁶ Индия обладает огромным внутренним рынком и альтернативной политической моделью. Мексика, как правило, выбирается инвесторами в целях обслуживания рынка США (nearshoring).

Можно отметить изменение структуры привлекаемых ПИИ: если раньше ПИИ шли в массовое производство (текстильное производство, выпуск электроники), то теперь акцент смещается на обслуживание внутреннего рынка Китая (который все еще огромен), высокотехнологичные и R&D-направления, где Китай стремится к самообеспеченности. Так, можно выделить входящие ПИИ из ЕС, например, в автомобилестроение (особенно электромобили), где европейские компании усиливают свое присутствие, чтобы быть «внутри» рынка.

Япония и Республика Корея проводят политику де-рискинга и рещоринга ПИИ, официально стимулируя рещоринг; правительства обеих стран выделяют субсидии и создают программы для возвращения стратегически важных производств (например, фармацевтика, выпуск полупроводников) на родину. Также про-

исходит диверсификация инвестиций за рубежом: крупные корпорации вроде Samsung, Toyota, LG и Sony активно диверсифицируют свои цепочки поставок. Они не уходят из Китая полностью (из-за его рынка и развитой экосистемы), но масштабно инвестируют в другие регионы: Республика Корея наращивает ПИИ в США и Вьетнам (особенно в производство полупроводников и электроники); Япония также активно инвестирует ПИИ в Юго-Восточную Азию (далее – ЮВА) и США в рамках «дружественных» блоков: обе страны, будучи союзниками США, все чаще ориентируют свои новые инвестиции в страны, входящие в тот же геополитический лагерь.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы по влиянию фрагментации на ПИИ в СВА. В регионе происходит перераспределение потоков ПИИ, при этом осуществляемые ПИИ не исчезают, а перемещаются между странами. Инвестиции, которые раньше шли исключительно в Китай, теперь направляются в другие страны СВА (внутри региона) и, что важно, за его пределы (в ЮВА, Индию, Мексику). Также наблюдается и изменение мотивации инвесторов. На смену чисто экономической логике (минимизация затрат) приходит логика безопасности и устойчивости. Стратегическая целесообразность теперь важнее сиюминутной выгоды. Наблюдается формирование региональных торгово-производственных хабов. Внутри СВА и вокруг региона формируются новые центры притяжения ПИИ. Вьетнам стал главным бенефициаром стратегии «Китай+1», а Япония и Республика Корея усиливают свою роль как источники высокотехнологичных инвестиций и капитала для создания резервных цепочек поставок и создания стоимости. Рост так называемых «дружественных» ПИИ все больше происходит между странами, находящимися в одном геополитическом лагере (например, ПИИ

¹⁵ *The 2025 Reshoring Index; The great reality check. Kearny, 2025. URL: www.kearney.com/service/operations-performance/us-reshoring-index (дата обращения: 01.10.2025)*

¹⁶ *US-China Tech War Helps AI-Fueled growth in Malaysia, Vietnam. Bloomberg, 06.12.2024. URL: www.bloomberg.com/news/features/2024-12-06/us-china-tech-war-helps-ai-fueled-growth-in-malaysia-vietnam (дата обращения: 30.09.2025).*

Японии и Республики Кореи в США и страны ЕС, и наоборот) [Aiyar, Malacrino, Presbitero, 2024].

Можно отметить, что процессы геополитической фрагментации кардинально меняют ландшафт ПИИ в Северо-Восточной Азии. Регион перестал быть монолитным «производственным цехом» глобальной экономики. В настоящее время регион представляет собой сложную мозаику взаимосвязанных, но все более сегментированных потоков капитала в

форме ПИИ, где решения об инвестициях принимаются под влиянием не только чисто рыночных оценок, но и с учетом геополитических рисков и соображений национальной безопасности и стремления к устойчивости (или минимизации неопределенности).¹⁷ Экономика Китая адаптируется к этим процессам, Япония и Республика Корея диверсифицируют потоки ПИИ, а регион ЮВА в целом выигрывает от этого перераспределения инвестиций.

Список источников/References:

1. Винокуров, Е., Кузнецов, А., Соболевская М., Бердигулова, А., Федоров, К., Долговечный, А., Бабаджанян, В. Макроэкономический прогноз 2024–2026. Июнь 2024. Алматы: Евразийский банк развития, 2024. С. 12–17. URL: eabr.org/analytics/ceg-quarterly-reviews/макроэкономический-прогноз-eabr-20242026/ (дата обращения: 30.09.2025)

Vinokurov, E., Kuznetsov, A., Sobolevskaya, M., Berdigulova, A., Fedorov, K., Dolgovechny, A., Babajanyan, V. (2024) Macroeconomic Outlook 2024–2026. June 2024. Almaty: Eurasian Development Bank (in Russ.).

2. Воропай, Н. И., Подковальников, С. В., Санеев, Б. Г. Межгосударственная энергетическая кооперация в Северо-Восточной Азии: состояние, потенциальные проекты, энергетическая инфраструктура // Энергетическая политика. 2014. № 2. С. 55–64. EDN: TXVLWD

Voropai, N. I., Podkovalnikov, S. V., & Saneev, B. G. (2014). Interstate energy cooperation in Northeast Asia: state, potential projects, energy infrastructure. Energy Policy, no. 2, pp. 55–64. EDN: TXVLWD (in Russ.).

3. Клочко, О. А. Новые подходы к регулированию прямых иностранных инвестиций: инициативы крупнейших стран мира и уроки для России // Современная мировая экономика. 2023. Т. 1. № 3 (3). DOI: 10.17323/2949-5776-2023-1-3-113-128 EDN: CMWEDF

Klochko, O. A. (2023). New approaches to the regulation of foreign direct investment: initiatives of the world's largest countries and lessons for Russia. Modern World Economy, no. 1(3), pp. 113–128. DOI: doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-3-113-128 EDN: CMWEDF (in Russ.).

4. Квашина, И. А. Новые тенденции в глобальных потоках трансграничных прямых инвестиций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 3. С. 61–75. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_3_61_75 EDN: FVZLEY

Kvashnina, I. A. (2024). New trends in global flows of cross-border direct investment. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 3, pp. 61–75. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_3_61_75 EDN: FVZLEY (in Russ.).

5. Кузнецов, А. В. Прямые иностранные инвестиции стран Восточной Азии: Китай, Япония, Республика Корея, Монголия: монография. – Москва: РУСАЙНС, 2024. 210 с.

Kuznetsov A. (2024). Foreign Direct Investment of East Asian Countries: China, Japan, Republic of Korea, Mongolia. Moscow: RUSCIENCE, 2024. P. 210 (in Russ.).

6. Руководство по платежному балансу и международной инвестиционной позиции. Вашингтон, округ Колумбия: Международный Валютный Фонд. 2012. URL: www.imf.org/external/russian/pubs/ft/bop/2007/bopman6r.pdf (дата обращения: 01.08.2024)

International Monetary Fund. (2012). Balance of Payments and International

¹⁷ The FDI shake-up: How foreign direct investment today may shape industry and trade tomorrow. McKinsey Global Institute, September 2025. URL: www.mckinsey.com/mgi/our-research/the-fdi-shake-up-how-foreign-direct-investment-today-may-shape-industry-and-trade-tomorrow (дата обращения: 15.10.2025).

Investment Position Manual, Sixth Edition (BPM6). Washington, D.C.: International Monetary Fund. URL: www.imf.org/external/russian/pubs/ft/bop/2007/bopman6r.pdf (дата обращения: 01.08.2024)

7. Суслов, Д. В. Инвестиционные взаимодействия в СВА // Экономическое развитие стран Северо-Восточной Азии в условиях глобальных вызовов / отв. ред. Д. А. Изотов; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2024. – 390 с.

Suslov, D. V. (2024). Investment interactions in Northeast Asia. In D. A. Izotov (Ed.), *Economic development of Northeast Asian countries in the context of global challenges* (pp. 202–213). Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 390. (in Russ.).

8. Adarov, Amat, and Hayley Pallan (2025). Foreign Direct Investment in Retreat: Policies to Turn the Tide. *World Bank (2025). Global Economic Prospects: June 2025*, Washington DC: World Bank Group. DOI: 10.1596/978-1-4648-2193-6

9. Aiyar, Shekhar, Ilyina, Anna, and others. Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. Staff Discussion Note SDN/2023/001. International Monetary Fund, Washington, DC. URL: www.imf.org/-/media/Files/Publications/SDN/2023/English/SDNEA2023001.ashx (дата обращения: 15.08.2024)

10. Altman, S.A., Bastian, C.R. & Fattedad, D. (2024) Challenging the deglobalization narrative: Global flows have remained resilient through successive shocks. *Journal of International Business Policy*. DOI: doi.org/10.1057/s42214-024-00197-0

11. Amighini, A., Cozza, C., Rabellotti, R. and Sanfilippo, M. (2014) Investigating Chinese Outward Foreign Direct Investments: How Can Firm-level Data Help? *China & World Economy*, 22, pp. 44–63. DOI: doi.org/10.1111/cwe.12091

12. Clancy D., Smith D., Valenta V. (2024) The macroeconomic effects of global supply chain reorientation. ECB Working Paper Series 2903. URL: www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2903~8bc715c800.en.pdf (дата обращения: 30.09.2025)

13. Claessens, S. (2019) Fragmentation in global financial markets: good or bad for financial stability? Bank for International Settlements, Working Paper Series 815. URL: www.bis.org/publ/work815.pdf (дата обращения: 30.09.2025).

14. Cross-border investment. *Asian economic integration report 2025*. ADB, 2025. P. 63–91. DOI: dx.doi.org/10.22617/SGP250106-2

15. Geoeconomic Fragmentation: The Economic Risks from a Fractured World Economy / edited by Shekhar Aiyar, Andrea F. Presbitero and Michele Ruta. – Paris, France ; London, United Kingdom : CEPR Press ; International Monetary Fund, 2023. DOI: 10.5089/GFERFWEEA.072

16. Gopinath, G., Gourinchas, P-O. Presbitero, A.F., Topalova, P. (2024) Changing Global Linkages: A New Cold War? IMF Working Paper 2024/076. URL: www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/04/05/Changing-Global-Linkages-A-New-Cold-War-547357 (дата обращения: 30.09.2025).

17. Gita Gopinath, Pierre-Olivier Gourinchas, Andrea F. Presbitero, Petia Topalova (2025) Changing global linkages: A new Cold War? *Journal of International Economics*, vol. 153, 104042. DOI: doi.org/10.1016/j.jinteco.2024.104042

18. Guilhot L. (2022) An Analysis of China's Energy Policy from 1981 to 2020: Transitioning Towards to a Diversified and Low-Carbon Energy System. *Energy Policy*, vol. 162. DOI: doi.org/10.1016/j.enpol.2022.112806

20. Japan Bank for International Cooperation. Survey Report on Overseas Business Operations by Japanese Manufacturing Companies. JBIC 35th Survey, 2023. URL: <https://www.jbic.go.jp/en/information/press/press-2023/image/000005848.pdf> (дата обращения: 10.08.2024)

21. Kallen, Cody (2025). Breaking Up: Fragmentation in Foreign Direct Investment to International Finance Discussion Papers 1413. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System. DOI: doi.org/10.17016/IFDP.2025.1413

22. Kong, B., & Ku, J. (Eds.). (2015). *Energy Security Cooperation in Northeast Asia*

(1st ed.). Routledge. DOI: doi.org/10.4324/9781315767949

23. Kyung Mi, Kim (2020) The Korean Developmental State. Springer Books. DOI: doi.org/10.1007/978-981-15-3465-2

24. Latorre, M. C., Hosoe, N. (2016) The role of Japanese FDI in China // Journal of Policy Modeling, no. 38, pp. 226–241. DOI: dx.doi.org/10.1016/j.jpolmod.2016.02.003

25. Lee, G. (2018) Branstetter, Namho Kwon. South Korea's transition from imitator to innovator: The role of external demand shocks. *Journal of the Japanese and International Economies*, vol. 49, pp. 28–42. DOI: doi.org/10.1016/j.jjie.2018.01.004

26. Lin, KC., Reilly, T. (2024). Northeast Asia's Energy Transition—Challenges for a Rules-Based Security and Economic Order / Hosoya, Y., Kundnani, H. (eds) The Transformation of the Liberal International Order. *Springer Briefs in International Relations*. Springer, Singapore. DOI: doi.org/10.1007/978-981-99-4729-4_10

27. Meng Xiangchengzhen, Serafettin Yilmaz (2020) Renewable energy cooperation in Northeast Asia: Incentives, mechanisms and challenges, *Energy Strategy Reviews*, vol. 29. DOI: doi.org/10.1016/j.esr.2020.100468

28. Norring, A. (2024) Geoeconomic fragmentation, globalization, and multilateralism (No. 2/2024). *BoF Economics Review*. URL: publications.bof.fi/bitstream/handle/10024/53307/BoFER_2_2024.pdf (дата обращения: 30.09.2025)

29. Norring A. (2024) The economic effects of geoeconomic fragmentation (No. 8/2024), *BoF Economics Review*, 2024. URL: publications.bof.fi/bitstream/handle/10024/53827/bpb824.pdf (дата обращения: 30.09.2025)

30. Shekhar Aiyar, Davide Malacrino, Andrea F. Presbitero (2024) Investing in friends: The role of geopolitical alignment in FDI flows. *European Journal of Political Economy*, vol. 83, 102508. DOI: doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2024.102508

31. Xie, Y., Yu, X., Yu, Z., & Zhou, Y. (2024). Spatial outward FDI: Evidence from China's multinational firms. *Review of International Economics*, 32(2), 574–603. DOI: doi.org/10.1111/roie.12698

32. Yuanyuan Liu, Yilin Zhao, Xiaming Liu (2025) Institutional action, institutional entrepreneurship, and China's inward FDI policy: A co-evolution analysis, *International Business Review*, vol. 34, is. 1, 102342. DOI: doi.org/10.1016/j.ibusrev.2024.102342

33. Zhan, J. X. (2021) GVC transformation and a new investment landscape in the 2020s: Driving forces, directions, and a forward-looking research and policy agenda *Journal of International Business Policy*, no. 4 (2), pp. 206–220. DOI: doi.org/10.1057/s42214-020-00088-0

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 26.11.2025.

The article was submitted 20.10.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 26.11.2025.

Информация об авторе

Д. В. Суслов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the author

D. V. Suslov – Candidate of Economic Sciences, senior research fellow, the Economic Research Institute FEB RAS.